

Максим Горький

С Всероссийской выставки

Максим Горький

С Всероссийской выставки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2148805

Аннотация

«Очень распространено среди сведущих людей убеждение, что нижегородская выставка не только больше, но и будет полнее, красивее московской...»

Содержание

[1]

Конец ознакомительного фрагмента.

4

11

Максим Горький

С Всероссийской выставки

(*Впечатления, наблюдения,
наброски, сцены и т. д.*)

[1]

Министерство финансов возвело на выставке до 80 павильонов, частные лица и учреждения – до 125. В общем площадь, занимаемая выставкой, намного больше площади Всероссийской московской выставки¹; патриоты-нижегородцы, бывшие в Чикаго, утверждают, что и чикагская выставка меньше «нашей»². Так как проверить их слова довольно трудно, то они говорят это с большим апломбом.

Очень распространено среди сведущих людей убеждение, что нижегородская выставка не только больше, но и будет полнее, красивее московской.

Читатели «Одесских новостей» уже знакомы с планом выставки и, наверное, рассматривая его, уже заметили, что, по

---

¹ Происходила в Москве в 1882 году – *Ред.*

² Чикаго, США, 1893 год – *Ред.*

мере приближения к центру, здания сильно скучиваются и теснят друг друга. В природе эта скученность центра крайне резка, очень сильно бросается в глаза. Архитектура зданий от этого много проигрывает – один павильон, налезая на другой, как-то ступшёвывает его красоту и мешает сразу охватить взглядом весь ансамбль здания. Общее мнение – на Всероссийской выставке нет русской архитектуры. Всюду мавританские арки и купола, готические вышки, много нижегородского «рококо – знай наших» – какие-то фантастические кривулины, масса разнообразно изогнутых линий, в которых нет ни кокетливой игривости стиля весёлой маркизы, ни одной простой детали – «все с ужимкой», – ни признака красоты. Кое-где проглянет кусок Византии, кружево русского рисунка и исчезает, подавленное всем другим.

Всюду много торопливой фантазии – но цельных и стильных вещей нет, если не считать императорский павильон и мавританский отдел Средней Азии и Кавказа. «Торопились очень и не успели ничего сделать», – оправдываются строители. Жалоба «Нижегородского листка» на то, что выставке недостаёт общей идеи, которая объединяла бы все здания, и что она представляет собою базар, выстроенный на скорую руку, «скученное собрание построек разных стилей и эпох», – имеет очень серьёзные основания ³.

---

³ По-видимому, М. Горький имеет в виду свои фельетоны из цикла «Беглые заметки», напечатанные в «Нижегородском листке», 1896, номера 138, 143 и 145 – *Ред.*

На Всероссийской выставке следовало бы экспонировать и русскую архитектуру – или она этого не заслуживает? Общая неприбранность, повсюду разбросанные доски, ящики, тачки, груды песка и мусора ещё более запутывают впечатление и портят ансамбль. Несомненно, что когда всё это вычистят, уберут, разровняют дорожки и разобьют куртины и клумбы цветов, выставка много выиграет. Но и тогда она даст много материала для толков об общем понижении вкуса и об упадке в жизни красоты. Век меркантилизма и материализма даёт себя знать во всём, и выставка есть и будет очень яркою иллюстрацией его силы и влияния на дух человеческого творчества. Эти широкие и низкие павильоны, осевшие к земле, как-то придавленные к ней, без порыва кверху, без признака в них свободной и смелой фантазии, пытливости и гордости бодрого идеализма и веры человека в самого себя, – как бы характеризуют собой нашу будничную, застоявшуюся в тесных рамках обыденную жизнь, скупую и серую, без крупных интересов, без широких запросов, без оригинальности, но и без простоты, странную, пониженную и запутанную жизнь людей, утомлённых и растерявшихся в массе мелочей.

Не знаю, как устраивает свои выставки весёлый и нервный Париж и другие города Европы, но трудно предположить, чтобы там дело сопровождалось такой же путаницей, растерянностью и глухой, тёмной борьбой заправил и главных двигателей дела, чтобы оно осложнялось такими же ненуж-

ными деталями, как и у нас. Хотя, конечно, люди – везде люди, но в более культурных странах и самолюбие должно быть более культурным. Как известно, сначала генеральным комиссаром выставки был назначен Кази, ныне он заведует отделом фабрично-заводским и машиностроительным, а генеральный комиссар – В. И. Тимирязев. Господин начальник губернии тоже принимает непосредственное участие в устройстве выставки. Вице-председатель комиссии по устройству очень часто бывает на выставке и обыкновенно после его посещений многое тасуется на новый лад. Дело крупное, грандиозное дело, и – как я уже говорил – в такой громадной и ещё не устроенной машине трудно требовать от всех частей её солидарной и гармоничной работы. Чувствую, что сравнение с машиной неудачно: там движется холодная сталь и другие металлы, здесь – нервы, горячая кровь и пылкие чувства и остро отточенное, в погоне за карьерами, чуткое самолюбие.

Между заведующими отделами нередки легонькие столкновения, а так как паны дерутся, то обыкновенно у хлопцев чубы трясутся, за всё расплачивается и со всем считается экспонент или его доверенное лицо. Ах, он очень много портит себе крови! С момента, как он приближается ко входу на выставку, для него начинается неисчислимый ряд мытарств и разных «неприятностей». Нужно выправить в комиссариате билет на право входа на территорию выставки, для сего

требуется ряд доверенностей, свидетельств и официальных удостоверений. Затем нужно найти свой отдел, а для сего предпринять длинное путешествие по дорожкам, на которых нога глубоко вязнет в кучах мусора и в грязи. Грязи много, ибо почти каждый день идёт дождь, а помимо этого не надо забывать о почве выставки.

Найдя отдел, следует отыскать заведующего им. Дело нелёгкое. Но вот и оно благополучно закончено.

– Честь имею представиться – доверенный фирмы...

– Очень хорошо...

– Место моей фирмы...

– Идите, там вам укажут.

Указали. Втаскивается витрина, вот она установлена, ящики с экспонатами распакованы, дело кипит, рабочие изнывают от утомления, экспонент их понукает и, похаживая около, с весёлым духом, напевает или насвистывает любимые ариетты. Является «лицо».

– Э-это чья витрина?

Отвечают.

– Эт-то не ваше место...

– ?..

– Ваше место в той галерее... Перенесите туда витрину, сейчас же...

Переносят. Смотрят – там тоже кто-то устраивается.

– Позвольте! Это не ваше место, а наше!

– Нет-с, извините! Наше, а не ваше!

– Но позвольте...

– Нет, подождите – мне указал сам N.

– А мне – сам X!

Недоумение. Идут за точными справками – один к N, другой – к X.

Был – в мануфактурном отделе – случай, что и N и X оба ошиблись. Это повело к тому, что две уже почти совсем отделанные витрины должны были разбираться и переноситься одна на другое место, другая уже на третье. Экспоненты скорбят, экспонаты мнутся, витрины царапаются и обламываются.

Но, к счастью человека, всё на земле конечно.

Витрина устроена. Эффектно. Экспонент улыбается, поглядывая на соседей.

– А нуте, каково?

Это он преждевременно ехидничает, и тут же где-нибудь из-за угла его витрины на него вылезает кара за ехидство в лице человека в разлетайке и широкой мятой шляпе.

«Художник!» – вздрагивает экспонент от неприятного предчувствия.

«Художник», – их на выставке целый полк, в составе «по военному положению», – останавливается перед витриной и, с видом знатока, щурит глаза. Потом кусает бородку, если она у него есть, или просто жуёт свою губу. Потом скептически улыбается. Потом зовёт к себе ещё «художника». Диалог:

– Видишь?

– Хм... да... – Печальное покачивание головой.

– Полное безвкусице... – Сокрушённый вздох артиста и тонкого ценителя красоты, оскорблённого в своих чувствах. Оба поперебой вонзают в смятённую душу экспонента по нескольку тёмных слов.

«Нюансов нет». «Складки мертвы». «Этот шёлк нужно бы бросить бликами». «Краски спутаны». «Густо брошены шелка».

– Полное отсутствие вкуса! – дружно заключают «художники» и следуют далее смущать покой экспонентских душ.

А раскритикованный экспонент остаётся и пристально смотрит на создание своих рук. «Тёмные слова» действуют на него – и то, чем он был доволен полчаса тому назад, уже много теряет в его глазах.

«А ведь, пожалуй, надо перетовб...» – мелькает у него мыслишка, и, глядишь, начинается это «перетово». Материи располагают в ином порядке, в иных сочетаниях цветов, и часто из простой, но действительно красивой витрины получается кричащая лавочка с неестественно пёстрой физиономией...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.